

2.3. Экология человека и проблемы устойчивого экологического развития Республики Казахстан

Экология человека в своем нынешнем статусе одновременно в качестве междисциплинарного комплексного научного направления и социально-естественнонаучной дисциплины с перспективой формирования в мегатеорию и даже мировоззренческий подход (при условии изменения мироотношения и мироощущения человека в сторону духовности, включающей в себя более глубокое, как мы отмечали ранее, онтологическое содержание) может внести значительный вклад в формирование целостной концепции человека и теории взаимодействия природы и общества.

Сегодня глобальные проблемы современности, исследование коренных причин их обострения, их всесторонний анализ составляют предмет нового междисциплинарного научного направления – глобалистики. Развитие этого направления, как известно, связано с деятельностью Римского клуба, созданного в 1968 г. по инициативе итальянского бизнесмена и общественного деятеля Аурелио Печчеи. Начав (вслед за О. Шпенглером, Х. Ортега-и-Гассетом и другими) с констатации наличия и обсуждения глобальных проблем современности, Римский клуб с 1989 г. решает сменить тактику своей деятельности, а именно: перейти к разработке стратегии международных действий, которые приведут к «первой глобальной революции» [217]. Тон в этом решении (сменить тактику) задал сам основатель и первый президент Римского клуба А. Печчеи, который писал, что экономический рост не является более насущной

является более насущной необходимостью, что нужно сосредоточиться на пропаганде внутреннего совершенствования человека и что «социальная ответственность современной производственной системы стала настолько доминирующей, что она уже не может быть принесена в жертву мотивам прибыли...» [218, с. 101].

Весь комплекс глобальных проблем современности часто называют тотальным цивилизационным кризисом [219]. При этом имеются в виду, прежде всего, западная цивилизация, западный тип культуры, которые осуществляют финансовую, геополитическую, экономическую и информационную экспансию в развивающиеся страны с целью перенесения вредных производств на другие территории, захвата новых рынков сбыта и природных ресурсов, т. е. для самосохранения. Конечно же, большую роль в возникновении тотального цивилизационного кризиса сыграл не только «злой умысел» (с инстинктом самосохранения в своей основе), но и необоснованный, по мнению многих, сциентистский оптимизм, достигший кульминации в середине XX в. и приведший нас к совершенно реальной угрозе экологической катастрофы. Кстати, вина за господство в европейской культуре такого оптимизма возлагалась многими исследователями феномена культуры на философию. Так, А. Швейцер писал, что философия потратила время на выработку теоретического мировоззрения, упустив при этом свои культуuroобразующие задачи [220]. Но, наверное, было бы неправильно полностью придерживаться таких форм абсолютизации социальной роли науки, как сциентизм и антисциентизм. Современная наука является, как известно, продуктом западной цивилизации, западного типа культуры, который, следовательно, несет в себе условия для возникновения практически всех глобальных проблем современности. Кстати, марксизм, отвергаемый сейчас в большинстве случаев из конъюнктурных соображений бывшими его горячими пропагандистами, отвергал (в свою очередь) обе вышеназванные формы абсолютизации социальной роли науки. Марксистская философия рассматривала науку как продукт культуры и, в то же время, как один из главных источников и стимуляторов развития самой культуры [221]. Жизнь показывает, что эти положения во многом верны.

Рациональное осмысление феномена культуры в его (феномена) всеобщности, целостности и специфичности нашло и находит отражение в многочисленных попытках определения понятия «культура». Впервые, как полагают многие исследователи, «термин «культура» был использован немецким юристом С. Пуфендорфом (1632–1694 гг.) для выражения определенной направленности совокупной деятельности

людей» [222, с. 64]. Считается, также, что именно с С. Пуфендорфа берет начало традиция определения культуры как некоей противоположности природе. Эта традиция в явной или скрытой форме имеет место почти во всех последующих концепциях культуры, начиная с философии Просвещения XVIII в. и включая Франкфуртскую школу и экзистенциализм в XX в. Практически в то же время в науке и философии утверждается понятие «цивилизации», под которым понимают «исторически конкретные формы единства культуры как меры и способ развития универсальных сил человеческого рода с формами его социальной организации, обретающими неповторимый сплав». Возвращаясь к пониманию понятия культуры, следует отметить, что «культура», в целом, осознается как форма реализации сущностных сил человека, которые вырабатываются людьми в процессе их совместной деятельности. Что же касается целей развития культуры, то здесь складывается следующая схема: если сначала цель культуры виделась в «улучшении природы» для «улучшения жизни» (С. Пуфендорф), то постепенно она (цель) начинает осознаваться как необходимость улучшения природы человека (духовного совершенствования) для сохранения жизни.

Так, уже в философии Просвещения XVIII в. культура понимается и как инструмент совершенствования человека, и как цель, которая определяет внутренний смысл истории. Ж.Ж. Руссо подвергает сомнению безусловность положительной ценности культуры, отмечает противоречие между культурой и природой [223]. И. Кант видит причины возникновения многих проблем в развитии человечества в том, что дисциплина и культура обогнали развитие нравственности. В философии истории И.Т. Гердера единство человеческой культуры выражается в некоторой общей цели, а именно: в обретении истинной гуманности. Цель эта, по И.Т. Гердеру, обусловлена самой природой человека [224]. Представители так называемой «философии жизни» Ф. Ницше [225] и В. Дильтей в противовес классическому рационализму представляли историю и культуру как выражение некоей полноты жизни, включающей в себя, наряду с волей и интуицией, переживания, влечения. Кстати, В. Дильтей, апеллировавший к изначальной нерасчлененности субъекта и объекта в культуре, тем самым высказал сомнения в возможности рационального осмысления феномена культуры. Постичь культуру, по В. Дильтею, возможно только через переживание, понимание ее целостным субъектом. Крупнейшие представители экзистенциализма XX в. К. Ясперс [226] и М. Хайдеггер [227] отмечают, что человечество в своем развитии в XX столетии столкнулось с проблемами глубо-

чайшего духовного кризиса. Западная модель развития человеческого общества, опирающаяся на силу, конкуренцию, самоутверждение, линейный прогресс, неограниченный рост, привела, с одной стороны, к высочайшим достижениям в области науки, а, с другой – к социальному, экологическому, моральному кризису.

Весь комплекс глобальных проблем современности обозначают еще как «кризис культуры», «гибель культуры», «декультурация». Многие культурологи считают, что эти термины отражают современное состояние культуры в целом, характеризующееся переходом ее от локального уровня к интеграционному, в результате чего традиционные культуры разрушаются. Считается, что традиционные формы жизнедеятельности, лежавшие в основе традиционных культур, не нарушали гармонии отношений человека с окружающим миром, обеспечивали выживание человека и сохранность окружающего мира одновременно. Такой тип отношений, по мнению некоторых исследователей, сохраняется (несмотря на технологическую революцию) в религиозной практике, «как бы на периферии нашей цивилизации... свидетельствует, тем не менее, о наличии других измерений человеческого бытия» [228, с. 43]. Традиционные культуры представляли собой относительно замкнутые, локальные образования. *Относительно* замкнутые потому, что, конечно же, взаимосвязь между ними существовала, но поле их взаимодействия не было столь масштабным, так как средства коммуникации не были достаточно совершенными. Каждая традиционная культура имела собственное мировоззренческое, концептуальное «ядро», свои этно-ценности, вокруг которых формировались стиль и образ жизни, свои традиции, обряды, ритуалы. Отбор новых ценностей проходил в течение длительного времени путем адаптации к основным культурообразующим компонентам. Поэтому «ядро» таких культур в течение очень длительного времени оставалось неизменным, этноценности передавались из поколения в поколение. Познание такой культуры было также длительным процессом и требовало довольно глубокого погружения в систему ее ценностей.

Наука, а, точнее, научно-техническая революция, приведшая к созданию новейших средств коммуникации, резко расширили масштабы, возможности взаимодействия между культурами, одновременно уменьшив глубину этого взаимодействия. И тон здесь задает современная наука, быстрые темпы развития которой (а, значит, и научно-технической революции) ставят ее как бы вне культуры. Хотя, потенциально, как отмечал К. Ясперс [226], наука и техника несут в себе возможности гумани-

стического, культурного использования, но они остаются нереализованными, так как не вписываются в современную форму государства и общества. Научно-техническая революция приводит к резкому расширению коммуникационного поля между традиционными культурами, разрушению границ между ними и постепенному связыванию традиционных локальных культур в единое целое. Это связывание путем образования культуuroобразующих компонентов нового типа было обозначено академиком Д.С. Лихачевым как «диалог культур». Под этим «диалогом» понималось то, что познание собственной культуры может быть осуществлено через познание другой культуры. Но что произойдет при этом: взаимообогащение или взаимоупрощение? Для взаимообогащения, по всей видимости, важно, чтобы: во-первых, взаимодействующие культуры обладали бы приблизительно равным положением в общем коммуникационном поле; во-вторых, чтобы нетождественное в этих культурах преобладало над тождественным. Если же одна из культур будет иметь более совершенные средства коммуникации, то, естественно, она будет иметь большие возможности для распространения и навязывания собственных ценностей. При этом во многих случаях будет происходить вытеснение этноценностей менее развитых в технологическом смысле культур, их собственного культурного содержания, что, естественно, станет важным фактором разрушения традиционных культур. И это уже имеет место в настоящее время. А ведь каждая традиционная культура уникальна и обладает (в этом можно полностью согласиться с Н.Я. Данилевским [229]) самостоятельной ценностью, так как разрушение локальных традиционных культур связано, по выражению Н.А. Бердяева, с уничтожением индивидуального характера творчества [230].

Возможно ли вообще сохранить традиционные культуры в современном мире, где наука, являясь мощнейшим интегративным фактором, нивелирует нетождественное в культурах, растворяет менее развитые (в техническом плане) культуры в более развитых, создавая интеграционную суперкультуру? Многие государства предпринимают конкретные меры по сохранению локальных традиционных культур [231]. Этим же вопросом, включая проблемы создания условий для более «мягкого» вхождения локальных культур в поле взаимодействия других культур, занимается этническая экология. Это научное направление, ставя перед обществом задачи как можно более длительного сохранения локальных традиционных культур, исходит из положения (вслед за Н.Я. Данилевским) о том, что ни один из культурно-исторических типов не может считаться высшим или низшим по отношению к другим.

Однако, на наш взгляд, не следует забывать и о том, что в истории человечества есть немало примеров того, как самые блестящие культуры возникали на основе большого числа разнородных культурных компонентов.

С другой стороны, не надо забывать о том, что в качестве концептуального оружия (в целях геополитического, финансового, мировоззренческого господства, о чем мы уже говорили) могут использоваться ложные ценности, предлагаемые нередко в качестве универсальных.

Однако, возвращаясь к мысли о причинах возникновения глобальных проблем современности, справедливости ради стоит отметить, что именно представители современной науки, западной цивилизации первыми пришли к выводу о том, что модель построения общества, связываемая с западным типом культуры, не является совершенной. Отсюда констатация наличия проблем, связанных с духовностью, духовной эволюцией, обращение к восточным философским учениям, восточным методикам психофизического совершенствования. Следует отметить также, что многие ученые и представители мировой ответственности видят в названных выше тенденциях опять-таки не искренний порыв, а желание утвердить геополитическое, финансовое, мировоззренческое господство, т. е. самосохраниться. В связи с этим жесткой критике, как известно, подвергается концепция «открытого общества», в которой многим видится лишь желание утвердиться и сохраниться на как можно больших территориях.

Становится очевидным, что проблемы современного культурного развития есть проблемы духовности, духовного совершенствования, духовной эволюции человека. В связи с этим нам представляется интересным, имеющим современное звучание понимание культуры В. Ивановым, как «духовного самоопределения и самораскрытия человека – выражения вселенского единства и дело вселенского единства» (цит. по: [232]). Представляет интерес определение слова «дух» у В. Даля в «Толковом словаре живого великорусского языка»: «Ум и нрав слитно образуют дух (душу – в высшем значении): ко нраву относятся воля, любовь, милосердие, страсти, а к уму: разум, рассудок, память... Согласный союз ума и нрава, сердца и души образует стройность, совершенство духа; раздор этих начал ведет к упадку». Опираясь на это определение духа, а также на понимание духовности в традиционных восточных философских учениях (и учениях их современных последователей), мы бы определили духовность, как уже отмечалось ранее, не только как интеллектуальность или чистую мораль, а как внутреннее

стремление к познанию и отождествлению себя с той действительностью, которая составляет основу и Космоса, и человеческого существа. В результате такого отождествления происходит преобразование человека. Следовательно, под духовной эволюцией надо понимать осознание единой природы человека и Вселенной и формирование на основе этого понимания человеческого существования не как борьбы на грани жизни и смерти, а как жизни в сотрудничестве, гармонии и естественной заботе об окружающей среде.

Огромную роль в формировании понимания необходимости духовной эволюции общества сыграла экологическая проблематика.

Все рассмотренные выше проблемы современности, несомненно, оказывают большое влияние на жизнь мирового сообщества. Однако в настоящее время на первый план выдвинулись экологические проблемы, которые приобрели смысловой характер. На наших глазах формируется тенденция ограничительного воздействия экологических факторов на культурное развитие в целом. Глобальный экологический кризис явился следствием, скорее всего, того пути развития, который прошли наиболее развитые страны мира и который берется (добровольно или вынужденно) в качестве образца для подражания многими развивающимися странами, в том числе и Казахстаном. Совершенно очевидно, что в таком случае Казахстан должен иметь в виду как положительные, так и отрицательные последствия этой модели. С одной стороны, очень привлекательно выглядит нынешнее благополучие наиболее развитых стран (коих, надо заметить, не так много), но, с другой стороны, налицо – глобальный экологический кризис, который является, скорее всего, следствием указанной выше модели развития. Вместе с тем, надо отметить, что именно глобальный экологический кризис способствовал формированию в наиболее развитых странах идеи поддерживаемого, частично контролируемого развития. Эта идея, однако, вызывает неоднозначную реакцию (от положительной до резко отрицательной) как в самих этих странах, так и за их пределами. В связи с этим стержень дискуссии выглядит так: свобода и экологическая реальность.

Вообще, идея устойчивого (поддерживаемого) развития впервые прозвучала в докладе председателя созданной в 1983 г. в ООН комиссии по окружающей среде и развитию Г. Брундтланд. Доклад назывался «Наше общее будущее» и был опубликован в 1987 г. Причиной появления этого доклада явились проблемы, связанные с разрушением биосферы. Проблемы эти, обретшие ввиду все увеличивающейся антропогенной нагрузки на биосферу глобальный характер, постави-

ли под угрозой само существование человеческого сообщества. Следует отметить, что альтернативные варианты развития взаимоотношений между обществом и биосферой рассматривались еще в тридцатые годы прошлого века в фундаментальных исследованиях В.И. Вернадского [233], П. Тейяра де Шардена (переход биосферы в ноосферу [193]), А. Ферсмана (переход биосферы в техносферу [234]). В семидесятые годы эти исследования были продолжены экологом Б. Коммонером [35], экономистами Дж. Форрестером, Д.Х. Медоузом [36] и другими. По инициативе Римского клуба (и лично его основателя А. Печчеи) Дж. Форрестер, Д.Х. Медоуз, Д.Л. Медоуз создали компьютерные модели для исследования факторов роста, ограничивающих развитие цивилизации, а именно: народонаселения, продуктов питания и объемов промышленного производства, потребления природных ресурсов и уровня загрязнения и отравления окружающей среды отходами производства. Результатом проведенных исследований стал вывод о том, что, если количественный рост указанных выше факторов будет продолжаться, то к концу XXI в. цивилизация окажется в состоянии коллапса [36]. Тогда же, в 1972 г., ООН организовала в Стокгольме первую конференцию по окружающей среде и развитию (КОСР-1). Вторая конференция ООН по окружающей среде и развитию (КОСР-2) в Рио-де-Жанейро в 1992 году уже проходила под эгидой идеи о поддерживаемом, устойчивом развитии. Официально в Декларации и документах КОСР-2 был провозглашен курс ООН на устойчивое развитие. Всем странам было рекомендовано разрабатывать свою программу выхода на модель устойчивого развития. Такие программы уже разработаны в ряде стран. То есть мировая общественность перешла от обсуждения экологических проблем к разработке стратегии развития на XXI в. Таким образом, в конце XX в. важнейшей составляющей культурного развития в целом стала экологическая проблематика. Поэтому в последнее время все чаще применяется понятие устойчивого экоразвития.

Многие ученые полагают, что и в прошлом в истории человечества имели место экологические проблемы, вызванные антропогенной деятельностью [235]. Но даже если это имело место, то практически все согласны с тем, что масштабы прошлых экологических проблем не идут ни в какое сравнение с современным экологическим кризисом, который имеет глобальный характер. В целом, отношение к экологической проблематике складывается (особенно в развитых странах Запада) непростое. С одной стороны, факт наличия экологического кризиса признается, но как только дело доходит до необходимости создания нормативной

базы, т. е. возникает хотя бы легкий намек на ограничение свободы (в западном понимании этого слова: т. е. ограничение частной инициативы), то полное понимание проблемы сразу исчезает. Возникают рассуждения об «экоинтервенционизме», о «диктатуре экологов» [64], проводится параллель между социалистической и экологической моделями мышления. Под подозрение попадает даже книга бывшего вице-президента США А. Гора «Земля в равновесии. Экология и человеческий дух» (1992) [37]. Так, А. Гор в главе 14 этой книги пишет: «Я пришел к убеждению, что мы должны сделать смелый и недвусмысленный шаг: поставить спасение окружающей среды центральным организационным принципом нашей организации» [37, с. 269]. Слово «организационный принцип» тут же вызывает негативную реакцию. Г. Энгель отвечает: «Можно ли, однако, принимая во внимание демократию и рыночную деятельность в качестве основы нашей цивилизации, одновременно требовать, чтобы направление всей общественной деятельности определялось такой (не вполне ясной) последней ценностью, как «сохранение окружающего мира»? Я полагаю, нет» [64]. П. Бернхольц к необходимым условиям создания тоталитаризма относит и «экологическое равновесие» [64]. Философы же задают вопрос о том, не разбивается ли философская критика экологии ввиду многообразия форм, в которых проявляется экологическое мышление? Будет ли тогда ввиду этого обстоятельством действенной критика? Предметом философской критики становится и процесс аксиологизации экологической проблематики.

Г. Брундтланд в своем докладе «Наше общее будущее», изданном в 1987 г., охарактеризовала устойчивое развитие как развитие, которое «удовлетворяло бы нужды настоящего, не подвергая риску способность будущих поколений удовлетворять свои потребности» [236, с. 7]. В содержании понятия «устойчивое экоразвитие (УЭР)» основным является признание зависимости дальнейшего улучшения экономического, социального, политико-правового, культурного положения нынешнего поколения людей от состояния окружающей нас природной среды [237]. На практике такое понимание устойчивого экоразвития предполагает постепенное снижение подушевого потребления природных ресурсов (во всех его формах). Решение проблем, связанных с разработкой концепции УЭР, усложняется процессами глобализации, когда, как отмечает У. Белло, «...чтобы не попасть под поезд глобализации, людей просят спокойно и мирно приспособляться к постоянным и непредсказуемым переменам, которые возникнут в ходе поисков транснациональными корпорациями прибыли» [238, с. 494].

Хорошим дополнением к концепции УЭР может стать теория конфликтов Гермейера-Вателя, которая дает возможность эффективного анализа конфликтных ситуаций, важное значение в которых имеют экологические факторы. В основе теории лежит схема, получившая позднее название «путешественники в одной лодке». Предполагается, что участники конфликта наряду с разными собственными целями обладают и некоторой общей целью – доплыть до берега. Следовательно, каждый участник конфликта в собственных же интересах пойдет на компромисс. Ю.Б. Гермейер и И.А. Ватель считают и доказывают, что взаимовыгодный и эффективный компромисс возможен, а также предлагают способ его отыскания. В случае с Казахстаном такой общей целью может стать решение экологических проблем.

Концепция устойчивого экоразвития (УЭР) уже реализуется в региональных проектах для Нидерландов, Англии, Франции, США и других стран. И наряду с положительной реакцией, вызывает сильную отрицательную реакцию как внутри претворяющих в жизнь концепцию УЭР развитых стран, так и за их пределами. Так, например, проводится параллель между социалистической и экологической моделями мышления [64]. Более того, утверждается, что «требование «экологического поворота» стало моральным суррогатом антикапиталистического восприятия» [64, с. 44], и что «к коллективным самозаблуждениям экологического движения относится не только фикция содержательно определяемого общего блага... действительное заблуждение состоит в утверждении «подвластного экологии знания» [64, с. 44]. Кроме того, многими западными исследователями с тревогой отмечается, что предотвращение глобального коллапса потребует искусственного внешнего ограничения частной инициативы (Дж. Форрестер). В связи с этим, стержень дискуссии выглядит так: свобода и экологическая реальность. Отсюда и отношение к УЭР как к концепции, ограничивающей демократические свободы. Но для нашей республики, скорее всего, важны не идеологические подозрения, вызываемые концепцией УЭР, а содержательная ее критика.

В основе содержательной критики УЭР лежит утверждение о том, что эта концепция ориентируется на сохранение основ природопокопительской идеологии. Пожалуй, еще серьезнее звучит утверждение о том, что «шансов перейти к УЭР для большинства развивающихся стран, к которым относят и все республики бывшего СССР, фактически нет, несмотря на все кредиты и гуманитарную помощь, которые им обещают» [239, с. 122], так как в случае постепенного прекращения вывоза сырья развитыми странами из развивающихся стран, как это

предусматривается концепцией УЭР, бедные страны не станут богаче. И, конечно же, сказанное выше должно вызывать в нашей республике (наряду с традиционно критическим отношением к стратегии развития, основанной на вывозе сырья) дополнительные опасения. Это еще раз подтверждает то, что основную ставку в развитии следует делать не только на вывоз сырья, а на развитие собственных высокотехнологичных, экологически безопасных производств.

Казахстан предпринимает шаги, направленные на ориентацию своей национальной политики на международные принципы в области окружающей среды с учетом конкретных естественноисторических условий нашей республики. Так, распоряжением Президента от 30 апреля 1996 г. принята Концепция экологической безопасности Республики Казахстан. В этой концепции экологическая безопасность объявлена «одним из стратегически фундаментальных компонентов национальной безопасности и важнейшим аспектом защиты интересов и приоритетов страны в международных интеграционных процессах». Казахстан, сделав упор в экономической области на рыночную экономику, соответственно, поддержал концепцию УЭР. И, конечно же, нашей республике следует учитывать тот факт, что к глобальному экологическому кризису привела человеческое сообщество именно та модель развития, которую мы определили для себя в последние годы. Соответственно, при разработке собственной стратегии развития надо постоянно учитывать опыт развитых стран. В 1996–1997 гг. было положено начало разработке механизма обеспечения экономической безопасности, включая подготовку нормативно-методических документов по определению системы ограничений природопользования. На 1997–1998 гг. был намечен целый ряд важнейших мероприятий, включающих подготовку и издание докладов, технических заданий и проектов создания Единой государственной системы ведения экологического мониторинга Республики Казахстан (ЕГСЭМ РК). Указом «О мерах по дальнейшему повышению эффективности государственного управления в Республике Казахстан» от 10 октября 1997 г. при главе государства образован новый консультативно-совещательный орган – Национальный совет по устойчивому развитию.

Перспективы Казахстана в приближении к устойчивому экоразвитию следует оценивать с учетом уже имеющейся во многих районах республики неблагоприятной экологической обстановки, а также с учетом разработанных одной из комиссий ООН пяти главных показателей приближения каждой страны к устойчивому экоразвитию:

- 1) продолжительность жизни людей при рождении;
- 2) валовой национальный продукт на душу населения;
- 3) грамотность взрослого населения;
- 4) количество обязательных лет обучения в школе;
- 5) численность людей с высшим образованием.

Эти показатели получили название «индекса человеческого развития». В Казахстане из 5-ти перечисленных выше показателей по 3-му, 4-му и 5-му можно констатировать более или менее благополучное положение, хотя в последние годы наметилась отрицательная тенденция к их снижению.

Возможно, имеет смысл оценивать перспективы Казахстана в приближении к УЭР и с учетом разработанных Д.Х. Медоузом и Д.Л. Медоузом пяти лимитирующих развитие цивилизации факторов роста: 1) народонаселения; 2) продуктов питания; 3) объемов промышленного производства; 4) потребления природных ресурсов; 5) уровня загрязнения и отравления среды обитания технологическими отходами. По крайней мере, трем первым показателям нашей республики в ближайшие годы не грозит такой рост, который, по исследованиям Медоузов, может привести наше общество к коллапсу. Однако, современный мир уже представляет собой экологически единое целое, поэтому некоторые положительные моменты по факторам роста в Казахстане со временем, под влиянием последствий глобального экологического кризиса, могут сойти на нет. И это обстоятельство должно быть обязательно принято во внимание в программе устойчивого экоразвития Казахстана.

Конечно, желательно было бы, чтобы наша республика участвовала в мировой экономике на своих собственных условиях, а не на диктуемых мировыми рынками и многосторонними институтами. Свой путь в развитии возможен, но на принципах устойчивого развития и социальной справедливости. Так, Джозеф Стиглиц, говоря о концепции Третьего пути («Демократический идеализм»), подчеркивает: «Ясно, что существует не один, а множество третьих путей. Мы искали третий путь, адекватный для Америки» [240, с. 333]. Необходимо осуществлять внутреннее инвестирование для стартового толчка и располагать институтами управления возможными конфликтами (порожденными глобализацией).

Режим «открытости» сам по себе не поставит экономику на путь устойчивого развития. Выгоды от включения в мировую экономику можно добиться только тогда, когда существуют эффективные внутренние политические механизмы и институты.